

А.А. Шультайс

Завтра

12+

Александр Александрович Шульгайс

Завтра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54172326

SelfPub; 2021

Аннотация

«Я подумаю об этом завтра», – мысль знакомая не только Скарлетт О`Хара, но и, наверное, любому человеку, по-настоящему не желающему сталкиваться с действительностью. Ему может не нравиться происходящее, оно может волновать его и вызывать массу негативных переживаний, но найти в себе силы, чтобы что-то изменить такой человек не сможет. Почему? Каковы причины этой аморфности? Как она проявляет себя в современной политической ситуации? И можно ли выбраться из её плена? Этими и другими вопросами задаётся главный герой очередного фельетона «Завтра».

Александр Шультайс

Завтра

Не помню, когда это точно произошло, стоял обычный осенний вечер, ночь опустилась на безмолвный город, я возвращался с работы домой через утопающий в желтизне парк. Меня уже неделю не покидало чувство постоянной тревоги, пытаясь усмирить внутреннее смятение, я поднялся на мост и наблюдал за огнями ночного города. Такой простор для взора безумно поглощает, не можешь отвести глаз от забытия. Приятный тихий ветер принес запах только что прошедшего дождя и мокрых листьев, рябь на реке вводила в транс, нежно шепча что-то об умиротворении. Минутный покой был нарушен случайным прохожим, и я вернулся к своему подавленному состоянию.

Вот уже который день, мой лучший друг и по совместительству сосед по квартире чрезвычайно молчалив и напряжен, он ведет крайне эфемерный образ жизни, когда мы пересекаемся в коридоре или на кухне, создается впечатление, что мимо пролетает призрак. Он разговаривает со мной, ест, напротив, в то же время я понимаю, что его здесь нет, он где-то там, в чертогах своего разума. Иногда кажется, будто бы ему опостылела жизнь. Я разубедился в этом, когда на днях застал его ночью, возвращаясь с очередной попойки, позвонив в дверь, еще изрядно поддатый, увидел свое-

го соседа судорожно открывающего замок, искры буквально сыпались из его глаз. Тогда я понял, что он одержим какой-то идеей, и видимо работает по ночам над ней, это пугало, учитывая его порывистость и полную самоотдачу, дело могло дойти до нервного срыва, ему опасны такие глубокие переживания.

Эта увлеченность не могла не сказаться на мне, мой лучший друг растворяется в воздухе, часть моей жизни буквально улетучивается, оставляя наблюдателем сего процесса. Обуреваемый этими мыслями, я покинул мост и направился в сторону дома, и уже на ступенях своего этажа почуввав что-то неладное. Необычайная тишина царила в подъезде, звук открывающегося замка буквально разразился громом. Зайдя в квартиру, я понял, что он ушел, мне не надо было даже проверять его комнату, хоть он и был в последнее время призраком, его присутствие в квартире ощущалось мной особенно ясно, потому что его рефлексующее состояние представляло собой пятно, загораживающее часть обычной жизни. Пройдя на кухню, я достал виски и выпив полстакана отправился спать, бросив себе в оправдание «может завтра вернется».

Он не вернулся, ни на следующий день, ни через неделю, ни через месяц. Прошло немало дней, когда после виски я говорил себе «завтра», но вот, я всё же решился зайти в его комнату. Все оставалось нетронутым и покрылось толстым слоем пыли, казалось будто бы он только вчера покинул дом,

обычная, присущая его комнате обстановка усилила этот эффект. Он не вернется, надо бы принять это, сказал себе я. Через три дня я решился разобрать его вещи и подготовить комнату для службы в качестве моего кабинета, на удивление это вышло довольно быстро, и к вечеру здесь ни осталось ничего напоминающего о былом жильце. С улыбкой глядя на проведенные изменения, взгляд упал на стол, ящик под ним остался мной незамеченным, нужно было проверить, не осталось ли последнего материального воплощения соседа. Открыв ящик, я обнаружил толстую измятую тетрадь, наводненную различными записками внутри, тишина была оборван всколыхнувшимися листьями тетради, отправленной в мусорную корзину. Довольный тем, как безжалостно расправился с этим предметом, я допил бутылку виски и закурил сигарету. Окидывая комнату беглым взглядом, вновь наткнулся на злосчастную тетрадь в корзине под столом, резко потушив сигарету и выпотрошив содержание урны, хотел было сжечь ее, укрепляя безвозвратность ушедшего. Вместе с тем, я внезапно осознал, что могу пожалеть о содеянном и решил оставить ее. Мною часто овладевало желание в последние дни сожителства, забраться своему другу в голову и посмотреть на мир его глазами. Что ж, теперь я более спокоен и не так одержим этим, поэтому могу беспристрастно взглянуть и быть может найти ответ на вопрос, что его так волновало. Меня немного заботило это вторжение в его личное пространство, зная, как тот его хранил. В глубине души

я был зол на него и в порыве гнева решил перейти границы дозволенного. В таком смутном состоянии я прочел эту тетрадь и прилагаю записи, оставленные моим другом ниже.

24 сентября

Бессилие... Оно терзает меня изнутри, ворошит все мои внутренности, я чувствую в себе будто бы свиного цепня, желающего вырваться наружу, превращающего все мое содержимое в вязкую кровавую кашу. Внешнее молчание сопровождается оглушительной какофонией мыслей, пестрящих из всех щелей моего сознания, как рой насекомых в коварной мухоловке они бьются, вырываются из плотно сжатых челюстей растения. Но я сдавливаю, душу их, уничтожаю этих паразитов, им не суждено вырваться, жить в действительности. Чувствую себя женщиной «попавшей в беду», как говорили когда-то, случайно познавшей последствия неосторожной, внебрачной любви, я убиваю свои мысли еще в утробах своего разума, вызволяя оттуда только мертворожденные тельца.

Мне не сразу открылось это, долгое время я считал себя человеком действия, который не остановится, пока не решит свои проблемы, будь это внутренний конфликт или внешний, человеком первого эшелона, «двигающего этот мир вперед». Эдакий благородный Раскольников! Ха-ха! Вскоре я начал видеть мнимость своей привилегированности, своих качеств «человека деятельного», вскоре я заметил это

пятнышко бессилия на себе и понял, что оно всегда было со мной, а сейчас оно расползлось и загородило всю жизнь. Это клеймо. Совсем недавно, обернувшись, окинув взглядом прошедшие годы, я будто заглянул в «абортную яму» своего сознания. Мой внутренний голос, демон, взывающий к действию и требующий жертв, ежедневно оплодотворяющий чертоги разума своими навязчивыми идеями, разразился ужасным воплем от созерцания мертвой плоти своих детей.

Сегодня я окончательно понял, кто мой враг, с чем мне нужно бороться, однако идентификация противника еще не означает победу над ним, предстоит тяжелый путь для того, чтобы убить «другого» себя, задушить этого паразита и смыть это пятно. Вместе с тем, я стал видеть это клеймо на других, я видел его и раньше, но сейчас картина стала отчетливее, оно везде, на моем соседе, на моих друзьях, коллегах, нашем обществе в целом.

Не могу пройти мимо последнего, страдая острой формой мегаломании, я все время старался охватить своим взглядом как можно больший пласт явлений. Наиболее завораживающее и необъяснимое явление, содержащее в себе огромную совокупность индивидов – общество, а также такая сложная по организации форма их взаимодействий – государство, всегда манили меня. Кроме того, последнее сейчас постоянно на слуху, все о нем говорят, да еще весьма резко, необдуманно: либо плохо, либо никак. Это превратилось в своего

рода моды – быть аполитичным, противником всякой системы, обозначать себя как оппозиционера. Поэтому большинство мыслей приходит мне именно на этот счет, я часто задаюсь вопросом: а так ли верно это направление движения нашего «коллективного разума»? Будучи наглым выскочкой, я мню себя нонконформистом и склонен быть против мнения большинства.

В нашем государстве давно пришла пора для политической активности, для действия, претворения навязчивых идей о более справедливом и правильном мире в жизнь. Мы стагнируем, утопаем в собственных мечтах и идеальных представлениях, ищем виноватых, обличаем и линчуем всех подряд кроме нас самих. Но теперь я вижу, что мешает им всем, что мешает мне, через себя я стал лучше понимать других людей, через себя я понял нашу главную проблему. А это может означать лишь одно, если я увидел своего врага, увидел врага нашего общества, его могут узнать и другие и мой долг помочь им в этом. Да! Вот моя цель! К ней я буду идти!

Но нет, я сомневаюсь, вдруг я не готов, я вновь заношу крик, чтобы выскоблить живую плоть мысли. Как я могу помочь? Что я должен делать? Я ведь не смыл даже свое пятно, куда мне до этой пелены окутавшей столько умов. Нет, я не позволю этому случиться вновь, яма не пополнится еще одним трупиком, эта мысль будет жить, я ей буду жить. Но все это потом, надо спрятать это дитя от ужасного убийцы, накрыть безвестностью и мнимым забытьем, действие чуть

позже, сейчас я буду наблюдать, буду ждать момента, чтобы нанести удар! Может быть даже завтра! Да, завтра я продолжу свою борьбу. Завтра...

25 сентября

С язвительной улыбкой читаю вышенаписанные строки... сколько ненужного пафоса, сколько заносчивости и картинности в этих словах, видимо мне никогда от этого не избавится. Мессия! Спаситель... не иначе. Всегда было интересно откуда во мне все это, почему я вижу себя всегда в главной роли, почему я отчаянно стремлюсь вверх? Возможно, это есть в каждом человеке, желание поставить себя в центр мира, созерцать «собственный пуп». Я видимо, подвержен этой болезни больше других, это гипертрофированное стремление к самовозвеличиванию гложет меня ежедневно. Кьеркегор рекомендует в таких случаях соединять пафос с иронией в кажущихся важными вещах... что ж в иронии мне не занимать, однако именно в этих вопросах она куда-то улетучивается. «Тварь ли дрожащая или право имею?», вопрос, который я задаю вне контекста его обычного употребления, иначе говоря, он звучит для меня так: каков мой потенциал? Могу ли я претендовать на участие в человеческих судьбах, в судьбе мира или же мой удел это служить околосемным интересам и сфера моего воздействия ограничивается моим родным городом, коллективом, семьей? Конечно, хочется большего, маленький смешной Наполеон! Ха-ха! Таков не

я один, нас довольно много, мне приходилось наблюдать и более амбициозных субъектов, но откуда же нас столько?

Причина такого положения вещей видится мне в следующем. XX век пестрил идеями коллективного, идеями о человеке как о винтике в громадной машине государства, разгоняя подобные концепции, победивший капитализм начал вещать об «индивидуальности», «собственном пути» и «приоритете интересов личности». Капиталу удалось провести людей, эгоизм успешно подменил коллективизм, теперь отсутствие внимания к интересам другого человека и его судьбе оправдывается не «высшей целью нашего общества и государства», а принципом «каждый сам за себя». Между тем боги капитала требуют кровавых жертв, нет-нет, не требуют, это должно быть твое собственное желание, у нас же свобода воли! Они коварно подстрекают к этой жертве, обещая награду после восхождения на Олимп, место под солнцем, осуществления так называемой «американской мечты», но они умалчивают о пути на гору, о том, что эта дорожка узкая и дойдут не все. Хотя боги всегда имели любимчиков среди простых людей, сейчас это скорее «подсадные утки», чей образ говорит: только руку протяни и все твое, а на деле это кусок сыра в мышеловке.

Нет, далеко не все... увлеченные этой мечтой мы мчимся к ней, но встречаем толпу на этом пути, пытаемся протиснуться сквозь это скопище и застреваем в нем. Мы толкаемся, проклинаем других, наступаем друг другу на ноги, топ-

чем упавших и проводим так большую часть своей жизни, не продвигаясь и на йоту вперед, а под конец, осатанев от подобных действий в отношении себя, утопаем в бессилии и серой повседневности, пока боги смеются над нашей мышинной возней. Существовая в таком укладе, человек в современном мире представляет собой жалкое зрелище, своеобразный Наполеон-калека, воспитанный в просветительском духе, привитый невероятнейшими амбициями и возможностями, стремящийся быть причастным к великому, в то же время – неуверенный в собственных силах, изнуренный в бесконечной и бессмысленной борьбе, ощущающий безразличие общества к собственной персоне, да и еще с клеймом Обломова на лбу. Последнее в большей части относится ко мне и мне подобным, описанный процесс может порождать и другие вариации изувеченных Наполеонов.

Я переполнен искренним желанием взвыть к сердцу каждого, пусть он отвлечется от бесконечной толкотни в «троллейбусе бытия», обратит взор внутрь себя, перестанет сомневаться и сотрет это ужасное клеймо, которое мешает двигаться ему в нужном направлении. Не надо лезть на Олимп по этой узкой колее, лучше сравнять его с землей, вместе со всеми богами.

У меня есть абсолютная уверенность, что это пыталось сделать множество людей и подобные мысли посещали их светлые головы. Это миллион раз существовало, зачем еще об этом говорить? Раньше меня постоянно волновало, что

я не создаю ничего нового, постоянно изобретая велосипед, сейчас же я убежден в естественности своего желания, это мой личный опыт мысли, который никто за меня не переживет. Как говорил Кьеркегор, несмотря на опыт предшествующих поколений, мы не можем воспользоваться им, мы вынуждены проходить этот путь вновь, по-своему... дело в повторении.

Что ж, я не намерен останавливаться из-за своего пафоса и калечности моего внутреннего Наполеона, призываю действовать таким же образом и других своих собратьев. Верю, что смогу вскоре избавиться от своего бессилия и дать воплощение в действительность своим мыслям, но это потом, быть может, завтра. Да, я уже слишком измотан переживаниями.

26 сентября

Я наблюдаю... вокруг какое-то странное движение, все вроде бы стоит на местах, но я чувствую, как люди в нашем обществе колыхаются, будто колосья на полях, их будит ветер несущий что-то новое. К сожалению, у растения нет ног, чтобы уйти от неплодородной почвы, так и наши люди, прикованные бессилием к существующей обстановке, ни на дюйм не сдвинутся с уже давно прогнившей почвы отношений, воцарившейся в нашей стране. Порывы ветра гнут их в различные стороны, слышится шелест, возможно, некоторые под впечатлением от этого действия думают, что они вза-

правду куда-то двигаются, между тем как их стебель плотно держит окаменевшие корни в сухой земле.

Наша земля уже засохла, пора двигаться дальше, бежать отсюда, иначе мы скоро завянем. Но как? Иные уже окаменели, а другие только начинают прорасти, не образовалось еще той прослойки людей, которые могли бы возглавить сей великий переход, но крупницы этой мысли уже дают о себе знать. Выходит довольно печальная картина, я думаю, наш народ давно не испытывал такой большой разницы между поколениями: сейчас во главе нации стоят преимущественно старики, уже отжившие свое, людей среднего возраста практически не увидишь в первых эшелонах. Такая ситуация видится вполне закономерной, люди среднего возраста сейчас – это то самое потерянное поколение, случайные проростки во времена «демографической ямы», помимо их относительно небольшой численности, вызывает разочарование степень духовной опустошенности этих людей. С другой стороны, чего еще можно ожидать от поколения, выросшего в период тотального беспредела и низвержения моральных ценностей.

Такая разница между поколениями не может не привести к напряженной конфронтации: пожилые хозяева жизни не могут ничего изменить, да и не хотят, эти древние локомотивы медленно, но верно прут по проторенной колее, смешны в этой связи попытки молодых людей сдвинуть этих титанов и заставить их работать на себя. Молодым опостылела эта колея, они рвутся на свободу, на большую дорогу, однако

они не спешат оторваться от старого локомотива, продолжая тянуться за ним, они бесполезно тормозят это древнее механическое чудовище, которое всяко сильнее их. И тут назревает вопрос, а зачем плестись за кем-то, почему бы не пойти своим путем, не оставить ли эти несчастные ископаемые в покое?

Все дело в нашем народе, в его истории, пора бы прекратить обманывать себя и друг друга, мы всегда были такими, вязкими, тяжелыми на подъем, примерзшими к старовекowym устоям, и самое главное – мы привыкли поручать свое благосостояние и условия жизни другим. В нас нет, и не было стержня самостоятельности, взять хотя бы историю возникновения нашей государственности, она началась с «призвания государя», да простят меня славянофилы. Мы все время хотим возложить бремя ответственности на кого-то другого, а сами в это время оставаться в тени и существовать в собственном маленьком мире.

С начала нашей истории и до последних времен мы фактически бездействуем, прозябаем в уповании на кого-то другого: князя, царя, императора, вождя, президента, все хорошее и все плохое мы склонны валить на голову этих властолюбцев. Если в царский период это было отчасти оправданно, то сейчас откровенно смешно, когда современное государство ассоциируется у большинства с одним человеком, его записывают в свои личные враги или же пугают им как высшей формой справедливости. Нам видимо удобно, так

мыслить, мы привыкли. Мне чрезвычайно понравилось высказывание касательно нашего гражданского общества, прочитанное мною вчера: «для его характера, его традиций и менталитета, характерны патернализм и авторитаризм... наше общество не обладает социально-политической активностью, не контролирует государственный аппарат... оно полностью передало ответственность за свой образ жизни авторитарной власти и бюрократии... в такой системе общественные интересы в значительной мере подменяются интересами групповыми и личными».

Мне кажется, сложно дать более исчерпывающее описание нашей гражданской позиции. Однако ж глашатаи демократии, ее ярые приверженцы продолжают порицать верхушку власти, горланить о необходимости создания правового государства, при этом почему-то возлагая такую обязанность на государственный аппарат, как будто они сами не являются частью этого государства, как будто народ и государство существуют раздельно. Безусловно, в стародавние времена бывало и такое, когда прозвучало то знаменитое «L'état c'est moi», но давайте будем чуточку объективнее, сейчас от этого мало что осталось, мы живем все-таки не во времена какой-то диктатуры или тирании, хотя такую окраску пытаются придать некоторые оголтелые любители масонских заговоров. Государственная власть сейчас это не закрытая каста, куда может попасть только определенное сословие, это те же люди, часть народа, которая жила меж нас до своего воз-

вышения, многие из них бывшие работники заводов и колхозов. Но мы придумали себе «Большого Брата» и уже машем рукой на всякую попытку политизироваться, проявить какую-то гражданскую активность, мы остаемся в стороне и только жалуемся на несправедливость уклада жизни.

Между тем, мы забываем о том, что гражданское общество это предпосылка правового государства, но никак не наоборот. Когда гражданское общество представляет собой тотальную «обломовщину» и отдает бразды правления определенной группе людей, исход не предвещает ничего хорошего. Сложно винить только кучеров нашего общества, нет, я ни в коей мере не защищаю их, но перекладывать всю ответственность только на них, это лукавить самим себе. Вручая вожжи кучеру, откидываясь назад и расслабляясь, мы никогда не встанем на правильный путь, левиафан немедленно затянет и искусит самого неприступного слугу народа.

Именно «мы», я причисляю себя к этой обломовщине, потому что и я пока таков, ничего не могу выразить вне своего сознания, мое бессилие не пускает меня в действительность, мучаясь и изнывая, я опять ничего не могу предпринять для претворения идей в жизнь. Но во мне начала зарождаться надежда, это уже хорошо, быть может, завтра я начну свой путь, а сейчас... сейчас я не готов. Да, пожалуй, завтра.

27 сентября

Какой-то заядлый трудяга и бесконечный энтузиаст гово-

рил о необходимости писать хотя бы по странице в день, стараясь соблюдать это правило, он исторг из себя приличное количество толстопузых томиков. Хотелось бы взять пару уроков у этого гения. Мысли плохо чувствуют себя, обретая форму, они сразу теряют свою гибкость и подвижность, при нанесении их на бумагу, будто камень тонут в морской пучине. Я уже молчу про передачу их другому человеку. Ох! Сколько мыслей ежедневно погибает, разбиваясь о чужое сознание... слово – это коварная субстанция, постоянно пытается исказить смысл идей, а некоторые мысли посредством придания внешней формы и передать нельзя. Мне сразу вспоминается следующее высказывание: «Как жаль, человеку, что для обмена мыслями мы должны прибегать к условиям такого скверного и вороватого комиссионера, как слово, – он крадет все ценное и лучшие мысли портит своими магазинными ярлыками». В таких-то условиях писать по странице в день, что за чудо!

Теперь я понимаю муки Пруста, который все время откладывал написание своей книги, отвлеченно мне казалось, что нет ничего проще, чем взяться и начать заниматься этим делом. Действительно, что здесь сложного, всего-то надо осмыслить свой жизненный опыт и попытаться донести его до другого человека. Я в полной мере удостоверился и в истинности высказывания Ницше: «один ищет акушера для своих мыслей, другой человека, которому он может помочь разрешиться ими; так возникает добрая беседа». Как же мне

нужен, этот чертов акушер! Но позвольте, какое все-таки поразительное сравнение: человека вынашивающего мысль с беременной женщиной, родовые муки вполне сопоставимы с муками человека рождающего мысль. У него также бывают ложные схватки, вот он, кажется, поймал эту плутовку и начал обрисовывать ее черты... ах, нет! Показалось! Он бросает скомканные или разорванные в клочья листы в камин. Акушер, где же ты ходишь? Самостоятельно заниматься таким делом, крайне сложно и неприятно, приходится делать себе своеобразное «кесарево», выворачивая свои внутренности наружу, и ища в них ту заветную идею, которая не дает тебе покоя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.